

Гражданская война миров

МИХАИЛ ТРОФИМЕНКОВ

О «ГИБЕЛИ СЕНСАЦИИ»

ОГРОМНЫЕ боевые роботы наступают на людей-муравьишек, загоняют в ночной, призрачный лес. Их конструктор пытается остановить стальной марш смерти, но роботы втоптывают его в грунт. Люди сначала тщетно отбиваются гранатами, потом впадают в панику и бегут, бегут к своим жилищам. Роботы проходят сквозь жалкие домишки как сквозь масло: дома пылают. И когда катастрофа рода людского кажется неминуемой, луч, направленный горсткой умников-храбрецов, разворачивает роботов против их повелителя, следующего за шеренгой убийц в штабной танкетке. Стальные мышцы сжимаются на горле негодяя в фельдмаршальском мундире. Воодушевленные люди переходят в штыковую атаку — и вот их воодушевленная лава уже несется по всей планете. В какой стране в 1935-м году вообще мог быть снят такой бой человечества с чудовищами, вышедшими из-под контроля своего творца? Ответ, кажется, очевиден: в Голливуде. Во всяком случае, он должен был быть снят в Голливуде. Ведь это логическая ступень, на которую должен был выйти жанр ужасов после фильмов о Франкенштейне и прочих безумных ученых. А вот и нет. «Гибель сенсации» поставил Александр Андриевский на студии «Межрабпомфильм», чертовски успешной коминтерновской конторе, вскоре ликвидированной вместе с коминтерновскими кадрами в ходе «большого террора». И бой, который ведет экранное человечество — точнее говоря, пролетариат, — именно что последний и решительный. На груди — или как это у них называется — у роботов начертано: «R.U.R.». Помимо этой аббревиатуры, фильм не имеет ничего общего с одноименной пьесой (1920) Карела Чапека, где впервые прозвучало слово «робот». Здесь это расшифровывается как «Универсальные роботы Рипля». Не то что вся семья — весь завод скинулся на то, чтобы Джим Рипль (Сергей Вечеслов) выучился на инженера. Он-то выучился, да так успешно, что сконструировал робота, несущего братьям по классу безработицу и голодную смерть. За что и был изгнан из дома сознательной родней во главе с братом Джеком (Владимир

ДЖИМ РИПЛЬ ВЫУЧИЛСЯ
НА ИНЖЕНЕРА ТАК УСПЕШНО,
ЧТО СКОНСТРУИРОВАЛ РОБОТА,
НЕСУЩЕГО БРАТЬЯМ ПО КЛАССУ
БЕЗРАБОТИЦУ
И ГОЛОДНУЮ СМЕРТЬ

Гардин). Тема классовой гражданской войны, раскалывающей пролетарскую семью, характерна для литературы той эпохи: достаточно вспомнить «Автомобильного короля» (1937) Эптона Синклера. Неслучайно фильм начинается с эпизода садистского эксперимента: скорость фабричного конвейера убыстряется, пока стоящие за ним рабочие не начинают сходить с ума. «Фордизм» — потогонная система, притча во языцех 1920-х годов, неизбежной следующей ступенью которой казалась замена людей на роботов. Другое дело, что Андриевский разукрасил канву декадентскими мотивами. Роботы повинуются нотам, которые Джим извлекает из саксофона. На саму идею роботов его натолкнула встреча — скорее, видение, — девушки (Александра Хохлова), бродячей торговли куклами. Сергей

Мартинсон, прообраз глумливого конференсье из «Кабаре», исполнил, безжалостно пародируя Вергинского, зонг о конце света. Это тем более изумительно, что ни Андриевский, ни автор романа «Идут роботари!» (1931) Владимир Владко декадентами не были. Владко — партийный журналист, с 1947 года — главный украинский кинотеатральный цензор. Андриевский — шеф студии ДЕФА (1949–1950) в ГДР и «Венафильм» (1952–1954) в советской зоне оккупации Австрии. Однако же именно эти функционеры создали нестареющий апокалиптический шедевр. Впрочем, Андриевский — пионер советского стереокино. Не иначе как, разрабатывая эту детскую забаву, он сублимировал энергии Джима Рипля, бурлившие в его груди.
«Гибель сенсации» (1935)